

Коммуникативная агрессия в политическом дискурсе современной России

Communicative Aggression in the Political Discourse of Contemporary Russia

Быков И.А.

д-р полит. наук, доцент кафедры связей с общественностью в политике и государственном управлении СПбГУ

e-mail: i.bykov@spbu.ru

Bykov I.A.

Doctor of Political Sciences, associate professor at the Department of Public Relations in Politics and Public Administration, St. Petersburg State University

e-mail: i.bykov@spbu.ru

Аннотация

В статье осуществляется анализ коммуникативной агрессии в политическом дискурсе современной России. Состояние политического дискурса в сегодняшней России преимущественно ассоциируется с повышенным уровнем агрессии по отношению к политическим оппонентам как внутри страны, так и за рубежом. Основной методологической основой исследования выступает парадигма конструктивизма, выработанная в рамках исследований международных отношений во второй половине двадцатого века, а затем успешно адаптированная сравнительной политологией и политической коммуникативистикой. С точки зрения теории политического конструктивизма рациональные и иррациональные причины использования коммуникативной агрессии в политическом дискурсе современной России, несомненно, имели место. Однако, на современном этапе видна «усталость» от коммуникативной агрессии, падение рейтингов наиболее агрессивных политических программ на телевидении, а также отрицательные социально-экономические и внешнеполитические эффекты.

Ключевые слова: коммуникативная агрессия, политический дискурс, СМИ, медиатизация, социальные медиа, электоральные кампании.

Abstract

The article presents overview of the communicative aggression in the political discourse of modern Russia. The state of political discourse in today's Russia is mainly associated with an increased level of aggression towards political opponents both inside the country and abroad. The basic methodological basis of the study is the paradigm of constructivism, developed in the framework of international relations research in the second half of the twentieth century, and then successfully adopted by comparative political science and political communication studies. From the point of view of the theory of political constructivism, rational and irrational reasons for using communicative aggression in the political discourse of modern Russia undoubtedly took place. However, at the present stage, there is a “fatigue” from communicative aggression, a fall in the ratings of the most aggressive political programs on television, as well as negative socio-economic and foreign policy effects.

Keywords: political communication, mass media, mediatization, social media, electoral campaigns.

Введение

Традиция исследований коммуникативной агрессии в политическом дискурсе имеет достаточно глубокие традиции как в России, так и за рубежом. Первоначально, изучение влияния агрессивных высказываний на поведение происходила в рамках теории политической пропаганды в период до Первой мировой войны. В частности, основатель связей с общественностью – Э. Бернейз указывал, что в качестве политического лидера «публике не интересен человек-автомат. Ей интересен лидер, борец, диктатор» [1], то есть человек с активной и даже агрессивной гражданской позицией. Также ранние исследования политической пропаганды и идеологического противоборства четко выявили конфликтную сущность политической жизни, когда любая политическая борьба строится на противопоставлении «наших» и «не наших» [2]. Природа политической жизни неизбежно включает взаимную агрессию между политическими акторами, даже если конкуренция между акторами осуществляется в рамках «цивилизованной дискуссии».

После Второй мировой войны многочисленные исследования психологии человеческой агрессии, однако, привели к формированию общего убеждения о контрпродуктивности агрессивного поведения в межличностном и групповом общении [3]. Детальные исследования эффектов демонстрации агрессивного поведения и насилия в средствах массовой информации в большинстве случаев также указали на деструктивные последствия для массового сознания [4]. Чрезмерное использование агрессивной риторики в политическом дискурсе обычно свидетельствует о наличии серьезных социально-политических дисфункций в обществе. Именно это обстоятельство подчеркивает В.А. Сидоров, когда указывает на то, что понятие коммуникативной агрессии подразумевает проявление качественно новых социальных противоречий в медиaprостранстве и апелляцию к актуальным ценностным раздражителям [5]. Чрезмерно агрессивная риторика обычно порождает ответную эмоциональную реакцию с последующей эскалацией конфликта. Политический конфликт в таких условиях может перейти из состояния идейно-символического противостояния в состояние физического или даже вооруженного противоборства. Возможен и другой вариант развития конфликта, а именно возникновение ситуации «спирали молчания», когда неагрессивное меньшинство (или даже большинство) предпочитает просто не высказывать своего мнения [6]. В данной статье предполагается обсуждение проблемы высокой коммуникативной агрессии в политическом дискурсе современной России, а также анализ возникающих эффектов и последствий для стабильности политического режима.

Конструктивистский подход в политической науке и политической коммуникативистике

Исследование коммуникативной агрессии в политическом дискурсе, разумеется, возможно с использованием различных методов и теоретических подходов. В данной статье делается попытка применения конструктивистского подхода в политической науке, который зародился «в рамках теории международных отношений, как альтернатива взаимно исключающих друг друга школ реализма и идеализма» [7, с. 18]. С одной стороны, конструктивизм обращает пристальное внимание на политическое сознание, которое определяет поведение политических акторов, а, с другой стороны, учитывает имеющиеся у них материальные ресурсы. Согласно конструктивистам, политика реализуется в виде политических практик, то есть устойчивых форм воспроизводства политического дискурса и распределения материальных ресурсов [8].

Такой подход позволяет выйти за рамки исследований политического дискурса с использованием классических позитивистских методов и методик. Как отмечает Г.Л. Тульчинский, реализация позитивистской методологической программы применительно к политологии выявила несколько обширных проблем с объяснением и прогнозированием политического процесса [9]. Одна из них связана с фактическим устранением из политических исследований намерений и воли политических акторов. В политической жизни происходит столкновение не только материальных ресурсов, но и идеологических

и мировоззренческих систем, а также стратегий и тактик, выбираемых политическими акторами [10]. Как пишет Л.В. Сморгун, в современной сравнительной политологии «особую роль начинают играть когнитивные составляющие политического процесса, идеи, которыми люди руководствуются в политике» [11, с. 120].

Конструктивизм как исследовательская парадигма имеет собственные трудноразрешимые проблемы [12]. В частности, особенно нелегкой задачей можно считать интерпретацию целей и желаний политических акторов, с учетом того, что они могут эволюционировать с течением времени. Динамику общественных настроений, а также мнений элитных групп, которые способны через публичный дискурс влиять на общественное мнение, крайне сложно уловить и тем более представить в виде объективного знания. Проблема намного сложнее, чем это может показаться на первый взгляд, поскольку полное понимание должно включать не только сформулированные идеи, но и бессознательные установки, делающие попытки фиксации политических идей похожими на конспирологические теории. Тем не менее, в последнее время большое количество исследователей обращается к данной парадигме, чтобы анализировать политические процессы в современной России [13; 14; 15].

Коммуникативная агрессия как ресурс политического влияния: больше плюсов, чем минусов?

Повышение уровня агрессии по отношению к политическим оппонентам как внутри страны, так и к зарубежным партнерам, стало заметной тенденцией в политическом дискурсе современной России. Вероятней всего, развитие коммуникативной агрессии было связано с политическим кризисом зимы 2011–2012 гг., и впервые было предъявлено массовому сознанию в виде политических кампаний в связи с делом Pussy Riot и «Законом Димы Яковлева» [16]. Об этом, в частности, говорят результаты нашего исследования мнения студентов факультета политологии и института Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ, проведенного в декабре 2017 (N=400) [17]. Оценивая общую коммуникативную агрессивность, большинство респондентов отметили, что обычно «в российских СМИ присутствует язык ненависти и агрессивность занимаемой автором позиции». С этим утверждением согласилось 55,25% студентов, не согласилось – 15,75%, остальные затруднились с ответом. Различия между политологами и журналистами в этом вопросе оказались минимальными: разница составила всего 4,5% политологов заметили коммуникативную агрессию в российских СМИ.

В первую очередь исследователи политического дискурса в современной России обращают внимание на впечатляющие достижения политических ток-шоу и новостной журналистики на государственных телеканалах, особенно после событий в Крыму и Донбассе 2014 г. [18]. Современные программы по политической тематике обладают достаточно высокими рейтингами и продуманным форматом, который в простой, доступной и эмоциональной форме преподносит аудитории трактовку политических событий. Малинова О.Ю. также указывает, что при всей кажущейся простоте новой идеологии «духовных скреп» этот дискурс обладает несколькими важными достоинствами, объединяя сторонников политического режима на основе глубоко укоренившихся стереотипов, патриотизме и антизападничестве [19]. Мы бы добавили к общей характеристике нового национального дискурса его крайне агрессивный характер. В виду ситуативного и размытого характера такой политической дискурс очень удобен и позволяет гибко реагировать на изменения политической конъюнктуры. Важным результатом стал наименьший процент граждан России, готовых присоединиться к политическим протестам за весь период наблюдений. По данным Левада-Центра в 2018 г. «86% россиян заявили о нежелании участвовать в любых протестных акциях» [20]. Отметим интересное совпадение с «политическим топосом 86%», который был заявлен ранее на официальных телеканалах [21].

Коммуникативная агрессия в политическом дискурсе выражается не только в специфическом подборе тем для обсуждения, используемой лексике, участников

дискуссии, роли ведущих, но и в особых случаях – применении физического насилия. В начале 2018 г. во время программы «Место встречи» ведущий Андрей Норкин набросился на украинского политолога Дмитрия Суворова из-за слов об убитых в Донбассе детях. Ранее состоялась потасовка между ведущим программы «Время покажет» Артемом Шейниным и американским журналистом Майклом Бомом. Драка между политическими обозревателями Николаем Сванидзе и Максимом Шевченко произошла из-за разных взглядов на роль Сталина в истории Великой Отечественной войны [22]. Некоторые данные свидетельствуют, что интерес к событиям в Украине или в Сирии постепенно затухает, рейтинги начинают падать и продюсерам программ приходится идти на повышение градуса агрессии [23]. В этом сомневается политолог Сергей Марков, который считает, что сам формат политических шоу создает почву для «нагнетания страстей», то есть драки являются не инсценировкой, а логическим развитием дискуссии, когда оппоненты в пылу дискуссии хотят показать, что «отвечают за свои слова»: «Как человек, находившийся в непосредственной близости рядом с несколькими драками и даже разнимавший дерущихся, могу сказать, что все эти драки не были заранее организованы и подготовлены, они все были неожиданными и возникали как часть эмоционального противостояния... У тех, кто схватился в рукопашной, нет задачи нанести действительно какой-то значительный физический ущерб, но есть цель продемонстрировать, что он готов пойти на крайние меры, чтобы отстаивать свою правду» [24].

Преимущества использования коммуникативной агрессии в политическом дискурсе заключаются в возможности мобилизации политических сторонников и запугивании политических оппонентов. Агрессия в символическом пространстве особенно хорошо работает на фоне военно-политических акций на международной арене или чрезмерно жестких действий силовых ведомств внутри страны. Как мы уже указывали, особенно эффективно коммуникативная агрессия использовалась после событий 2014 г. в Крыму и на Донбассе, дав новый импульс рейтингам одобрения деятельности Президента (в первую очередь) и всех остальных органов власти (в меньшей степени) [25].

По мнению Ильи Калинина, причины этой «успешной мобилизации были связаны не только с мощью пропагандистской машины, административным ресурсом и инфраструктурными каналами, которыми располагала власть. На эту провластную мобилизацию работали также и изначальные дискурсивные стратегии и структурирующие их диспозитивы культурных различий, задействованные оппозицией» [21, с. 275]. Коммуникативная агрессия присутствует в дискурсе оппозиции и направлена в адрес «простых людей», которые поддерживают политику Президента с лозунгами «политической стабильности» и борьбы с ценностями «Гейропы». Такая самопрезентация была с удовольствием подхвачена провластной агитационной машиной и подана широкой общественности в виде характеристики движения «зажравшихся» жителей мегаполисов. Кульминацией этого символического конфликта стало агрессивное заявление начальника сборочного цеха «Уралвагонзавода» Игоря Холманских во время ежегодного телемоста с Владимиром Путиным о том, что он с мужиками готов оказать помощь в устранении протестующих с улиц столичных городов.

Успехи использования коммуникативной агрессии в политическом дискурсе не должны заслонять побочные эффекты, которые в действительности имеют место. В частности, «излишне» патриотичная риторика приводит к неожиданным дипломатическим инцидентам. Приведем в качестве примера скандал, случившийся во время официального визита Президента Чехии Милоша Земана (которого называют пророссийским политиком) в ноябре 2017 г. в Москву. Накануне визита на сайте телеканала «Звезда» вышла статья о Пражской весне, которая защищала ввод войск СССР в Чехию в 1968 г. Милош Земан выразил негодование по этому поводу, указав на то, что Россия приносила официальные извинения за свои действия в 1968 г., и что телеканал «Звезда» является государственным. Статья была в срочном порядке удалена, а премьер-министр России Дмитрий Медведев был вынужден оправдываться перед гостем [26].

Непредвиденные последствия коммуникативной агрессии в политическом дискурсе могут проявляться не только в отношении с зарубежными партнерами, но и внутри страны. В частности, речь идет о локальных всплесках физической агрессии по отношению к политическим оппонентам, представителям власти или социальным группам. Также нельзя не учитывать потребности экономического развития и технологического «прорыва», которые сложно осуществлять в условиях последовательного ввода все новых и новых санкций. Очевидна ситуация некоторой «усталости» от коммуникативной агрессии. Складывается запрос на некоторую «нормализацию» политической повестки, что ставит задачу поиска новой «позитивной» политической повестки, а также менее конфликтных форм политического участия. Дальнейшее усиление коммуникативной агрессии, скорее всего, приведет к потере управляемости. Может сложиться ситуация как во времена позднего СССР, когда о начале программы «Время» можно было судить по количеству людей, выходящих вечером на прогулку со своими собачками. Предсказуемость политического сценария, навязывание конкретных персон, а также бесконечная агрессия в конечном итоге может привести к отчуждению аудитории от медийного продукта.

Выводы

Важный результат использования коммуникативной агрессии в политическом дискурсе современной России заключается в формировании большинства, состоящего из сторонников В. Путина, который на выборах 2018 г. получил 76,69% голосов избирателей. Важная деталь этих выборов заключается не в том, что эта цифра несколько меньше пресловутых 86%, а в том, что этот результат оказался сильно выше, прогнозируемых социологическими службами. В частности, опросы ВЦИОМ за неделю до выборов показывали, что за Путина в ближайшее воскресенье были готовы проголосовать всего 69% [27]. В данном случае мы имеем дело со статистически значимыми расхождениями между опросом и реальным голосованием, что говорит, скорее всего, об известных лимитирующих факторах изучения общественного мнения в России. Конструктивизм в таких условиях становится реальной исследовательской альтернативой классическим методам исследования социально-политической реальности.

Недостатки использования коммуникативной агрессии в политическом дискурсе современной России, заключающиеся в усилении оттока человеческого капитала, международных санкциях и полуизоляции России на международной арене, а также всплесках социальной напряженности в локальных точках на огромных просторах страны, в принципе могут расцениваться как «терпимые». Исчерпание мобилизационного потенциала коммуникативной агрессии, то есть «выгорание» их мобилизационного эффекта, можно компенсировать за счет демонстрации «достижений» в области спорта или отдельных отраслей народного хозяйства. Умелое чередование тем и стилей политического дискурса позволяет в обозримой перспективе регулировать тонус общественного мнения в России. Коммуникативная агрессия при этом выступает в качестве эффективного эмоционального раздражителя, приковывающего внимание аудитории к разворачивающимся в медиапространстве событиям. Наш прогноз сводится к тому, что использование коммуникативной агрессии в политическом дискурсе современной России продолжится, хотя периоды некоторой «разрядки» и «нормализации» также будут иметь место.

Литература

1. *Бернейс Э.* Пропаганда. М.: Hippo Publishing. – 2010. – С. 95.
2. *Шмитт К.* Понятие политического. // Вопросы социологии. – 1992. – № 1. – С. 35–67.
3. *Берковиц Л.* Агрессия: причины, следствия и контроль. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2001. – 512 с.
4. *Бэррон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. СПб: Питер. 2001. – 352 с.

5. *Сидоров В.А.* Медиавирусы как средство коммуникативных агрессий // Гуманитарный вектор. – 2016. – Т. 11. – № 5. – С. 122–129.
6. *Ноэль-Нойман Э.* Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М.: Прогресс-Академия, 1996. – 352 с.
7. Политические партии России в действии: методология, инструментарий проекта и описание данных. Коллективная монография / Под ред. Д. С. Мартынова и М. В. Невзорова. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2014. – 84 с.
8. *Wendt A.* Constructing International Politics // *International Security*. 1995. Vol. 20. No. 1. P. 71-81.
9. *Тульчинский Г.Л.* Объяснение в политической науке: конструктивизм vs позитивизм // Публичная политика. – 2017. – № 1. – С. 76–98.
10. *Соловей В.Д.* Информационная война и медиаманипулирование: что, почему, кто // Российская школа связей с общественностью: ежегодный альманах. – 2015. – Вып. 6. – С. 108–127.
11. *Сморгунов Л.В.* Сравнительная политология в поисках новых методологических ориентаций: значат ли что-либо идеи для объяснения политики? // Полис. – 2009. – № 1. – С. 118–129.
12. *Farrell T.* Constructivist Security Studies: Portrait of a Research Program // *International Studies Review*. 2002. Т. 4. № 1. С. 49-72.
13. *Мартынов М. Ю., Габеркорн А. И.* Роль конструктивистской трактовки формирования гражданской идентичности и патриотизма в современной символической политике // Журнал политических исследований. – 2018. – Т. 2. – №2.
14. *Малинова О.Ю.* Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России. М.: ИНИОН РАН, 2013. – 421 с.
15. Русский медведь / Под ред. О. Рябова и А. де Лазари. М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 368 с.
16. *Сидоров В.А., Нигматуллина К.Р.* Ценностная поляризация медиасферы России: тенденции и признаки // *Weitschrift fur Slavische Philologie*. – 2016. – Т. 72. – № 2. – С. 413–447.
17. *Быков И.А., Гладченко И.А.* Коммуникативная агрессия в России: анализ мнения будущих политологов и журналистов // Среднерусский вестник общественных наук. – 2018. – Т. 13. – № 1. – С. 94–100.
18. *Долгова Ю.И.* Феномен популярности общественно-политических ток-шоу на российском ТВ осенью 2014 г. - весной 2015 г. // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 2015. – № 6. – С. 162–177.
19. *Малинова О.Ю.* «Духовные скрепы» как государственная идеология. Возможности и ограничения // Россия в глобальной политике. – 2014. – Т. 12. – № 5. – С. 113–122.
20. Почти 90 % россиян заявили о нежелании участвовать в любых протестах // Левада-Центр. 16.04.2018 URL: <https://www.levada.ru/2018/04/16/pochti-90-rossiyan-zayavili-ohnezhelanii-uchastvovat-v-lyubyh-protestah/> (дата обращения: 12.05.2018)
21. *Калинин И.* О том, как некультурное государство обыграло культурную оппозицию на ее же поле, или Почему «две России» меньше, чем «единая Россия» // Неприкосновенный запас. – 2017. – № 6. – С. 261–282.
22. *Гринберг С.* Почему на российском ТВ показывают все больше драк. Секреты ток-шоу // Ура.Ру. 25.02.2018. URL: <https://ura.news/articles/1036274032> (дата обращения: 12.05.2018).
23. Обезжиренный эфир. Госканалы теряют рейтинг на новостях из Украины (мобильная версия) // The Insider. 21.07.2015. URL: <https://theins.ru/bez-kategorii/11248> (дата обращения: 12.05.2018).
24. *Марков С.* Тайны политического ток-шоу эпохи гибридной войны: взгляд изнутри // Московский комсомолец. 26.05.2017. URL: <http://www.mk.ru/social/2017/05/26/taunyu->

- politicheskogo-tokshou-epokhi-gibridnoy-voyny-vzglyad-iznutri.html (дата обращения: 12.05.2018).
25. Коммуникативные технологии в процессах политической мобилизации / под ред. В. А. Ачкасовой, Г. С. Мельник. М.: ФЛИНТА, НАУКА, 2016. 248 с.
26. «Звезда» написала, что чехи должны быть благодарны за ввод войск в 1968-м. Медведеву пришлось объясняться перед президентом Чехии, статью удалили // Медуза. 22.11.2017. <https://meduza.io/feature/2017/11/22/zvezda-napisala-chto-chehi-dolzhny-byt-blagodarny-sssr-za-vvod-voysk-v-1968-m-medvedevu-prishlos-ob-yasnyatsya-pered-prezidentom-chehii-statyu-udalili> (дата обращения: 12.05.2018).
27. Выборы президента России-2018: за семь дней до голосования // ВЦИОМ. 12.03.2018. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8988> (дата обращения: 12.05.2018).